

К ИСТОРИИ КОЛОНИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПО ПОВОДУ КНИГИ Т. ВАТАНАБЭ «МЭЙДЗИЙСКИЕ ЯПОНЦЫ, СОЗДАВШИЕ СОВРЕМЕННЫЙ ТАЙВАНЬ»

© 2023

В. Э. Молодяков¹

Изучение колониального прошлого, прежде всего колониальной политики, наталкивается на серьезные препятствия в виде идеологем «политической корректности», «культуры отмены» и «новой этики». Обязательное моральное осуждение колониальной политики, противоречащей современным представлениям о должном и недолжном, предписывает идеологизированное описание и трактовку событий прошлого, что является анахронизмом и входит в противоречие с принципом историзма – методологической основой исторического исследования. В связи с этим особое значение приобретают работы, авторы которых остаются верными принципу историзма. В статье рассматривается круг вопросов, связанных с колониальной модернизацией Тайваня под японским управлением, в связи с недавней книгой японского экономиста, историка и культуролога Ватанабэ Тосио «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань» (2020; английский перевод 2022).

Ключевые слова: Япония, Тайвань, Кодама Гэнтаро, Гото Симпэй, колониальная политика, модернизация, реформы

Для цитирования: В. Э. Молодяков. К истории колониальной модернизации: по поводу книги Т. Ватанабэ «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 86–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-086-094

TOWARDS THE HISTORY OF COLONIAL MODERNIZATION: ABOUT T. WATANABE'S BOOK 'THE MEIJI JAPANESE WHO MADE MODERN TAIWAN'

Vassili E. Molodiakov

The study of the colonial past, primarily of the colonial policy, encounters serious obstacles in the form of ideological patterns of «political correctness», «cancel culture» and «new ethics». The obligatory moral condemnation of colonial policy, which contradicts contemporary ideas about what is due and what is not, prescribes an ideologized description and interpretation of the events of the past, which is an anachronism and contradicts the principle of historicism – the methodological basis of any historical research. In this regard, research works whose authors remain faithful to the principle of historicism are of particular importance. This article examines a range of issues related to the colonial modernization of Taiwan under Japanese rule, in

¹ Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, Университет Такусёку (Токио, Япония), профессор; dottore68@mail.ru

Vassili E. Molodiakov, doctor of the political sciences, Takushoku University (Tokyo, Japan), Professor; dottore68@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5892-0473

connection with the recent book by the Japanese economist, historian and cultural critic Watanabe Toshio *The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan* (2020; English translation 2022).

Keywords: Japan, Taiwan, Kodama Gentaro, Goto Shimpei, colonial policy, modernization, reforms

For citation: Molodiakov V. E. Towards the history of colonial modernization: about T. Watanabe's book 'The meiji Japanese who made modern Taiwan'. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 86–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-086-094

ИДЕОЛОГЕМЫ ПРОТИВ ИСТОРИЗМА: НОВЫЙ ВЫЗОВ

Изучение колониального прошлого, прежде всего колониальной политики, наталкивается на серьезные препятствия в виде идеологем «политической корректности», «культуры отмены» и «новой этики». Обязательное моральное осуждение колониальной политики, противоречащей современным представлениям о должном и недолжном, предписывает идеологизированное описание и трактовку событий прошлого, что является анахронизмом и входит в прямое противоречие с принципом историзма — методологической основой исторического исследования.

«С точки зрения одного из отцов-основателей журнала “Анналы” Люсьена Февра, анахронизм — это “смертный грех для историка”, — напомнил в «Словаре историка» (2006; рус. пер. 2011) француз Э. Мазюрель, которого не упрекнуть в историографической «ереси». — По его мнению (Л. Февра — В.М.), нет ничего предосудительнее, чем приписывать обществу прошлого современные ценности. [...] Историк должен осознавать культурную дистанцию, отделяющую его от людей прошедших эпох. Следовательно, ему необходимо, прежде всего, отстраниться от привычных условий существования и, погрузившись в изучаемую эпоху, постараться понять верования, представления о мире, научные знания и способы чувствовать, свойственные людям прошлого» [Словарь историка, 2011, с. 15]. В другой статье этого издания, призванного, по замыслу составителей, «показать изучение истории и работу историка как профессиональную практику» [Словарь историка, 2011, с. 6], Н. Оффенштадт, также «политкорректный» автор, постулировал: «Историку ничего не дает позитивная или негативная оценка мотивов и поступков изучаемых им субъектов. Если, несмотря ни на что, подобные суждения все же появляются, они выглядят комичными, тем более, что высказывать их очень легко ввиду временной дистанции. Более того, давая свою оценку, историку легко впасть в анахронизм». Автор признает, что «историк и его труда неизбежно существуют во времени и более или менее явно зависят от его социального положения и личных взглядов» [Словарь историка, 2011, с. 118], но впадение в анахронизм ни при каких условиях не может быть достоинством исторического исследования. В коллективной статье «Объективность» авторы заявили: «От исследователя требуется не столько объективность, сколько дистанцирование и беспристрастность, подразумевающие, что он должен заглушить свои личные мнения и пристрастия, оставить в стороне оценочные суждения и избегать использования истории для обслуживания чьих-либо целей. В этом смысле история не трибунал; историку следует не судить людей прошлого, но пытаться понять их» [Словарь историка, 2011, с. 117–118]. Как известно, принцип «не судить, а понять» ставил во главу угла корифей французской историографии М. Блок.

Зачем повторять эти азбучные истины профессии, которые должен знать каждый первокурсник? Затем, что новый, переживаемый нами сейчас, виток идеологизации историографии с явной претензией на «введение единомыслия», особенно заметной в многонациональной

англоязычной литературе, наносит ущерб многим направлениям исследований. Игнорировать этот факт нельзя. Более того, господство «политкорректности», подкрепленное действиями академических структур, общественных институтов и СМИ, в числе прочего имеет целью маргинализацию оппонентов и выведение иных точек зрения за пределы научного поля. В меньшей степени это заметно во франкоязычной, русскоязычной и японоязычной литературе, однако в современном мире их роль несравненно меньше роли англоязычной литературы, стремящейся задавать тон в интеллектуальном и информационном поле. Тем большее значение приобретают работы ученых, чья точка зрения отлична от канонов «политкорректности», выпущенные на английском языке профильными издательствами.

ВАТАНАБЭ ТОСИО И ЕГО ВЗГЛЯД НА КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТАЙВАНЬ

В 2022 г. издательство «Lexington Books», базирующееся в Lanham (штат Мэриленд) и входящее в международную издательскую группу «The Rowman & Littlefield», выпустило монографию известного японского историка, экономиста и культуролога Ватанабэ Тосио «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань» [Watanabe, 2022], вышедшую на японском языке двумя годами ранее, в переводе американского историка и политолога Роберта Элдриджа. Данная статья не является рецензией на книгу Ватанабэ в оригинале или переводе, но имеет целью рассмотреть точку зрения автора на колониальную политику Японии на Тайване в рамках теории колониальной модернизации, которую автор этих строк полагает наиболее адекватной в приложении к истории первой японской колонии.

Ватанабэ Тосио (р. 1939) является одним из самых известных консервативных интеллектуалов современной Японии не только как популярный opinion-maker, но и как академический ученый, получивший признание в нескольких сферах. Выпускник университета Кэйо, доктор экономики Ватанабэ преподавал в университетах Канто гакуин, Цукуба, Токийском техническом институте (университете), в университете Такусёку, где занимал посты декана факультета международного развития, ректора и президента (в настоящее время почетный профессор и советник). Его профессиональная репутация основана на исследованиях в области экономики развития, в основном на материале азиатских стран, которые получили признание в Японии (автора неоднократно приглашали участвовать в государственных и парагосударственных исследовательских и аналитических проектах) и были переведены на ряд иностранных языков, включая монографию на английском языке [Watanabe, 1992]. Обладая редким для японской академической среды широким интеллектуальным кругозором, Ватанабэ сочетает анализ современных проблем с изучением их исторического «бэкграунда», причем не только в экономической и политической, но в цивилизационной и культурной сферах. Ему присуще комплексное видение новой и новейшей истории Японии. Его перу также принадлежит ряд книг о японской поэзии, имеющих, по оценке специалистов, не только научные, но и литературные достоинства.

В современной Японии Ватанабэ, автор десятков книг и популярный лектор, мнения которого по актуальным вопросам транслируют ведущие СМИ, является фигурой национального масштаба, однако его известность за границей следует признать незаслуженно малой. Именно поэтому выпуск на английском языке его книги о вкладе японцев в модернизацию Тайваня — точнее, о японской политике модернизации Тайваня в колониальный период — через два года после японского оригинала (обычно процесс затягивается на многие годы) можно только приветствовать.

Российскому читателю, интересующемуся данной проблематикой, взгляд Ватанабэ на модернизацию Тайваня известен по статье «Колониальный Тайвань как модель регионального развития» [Ватанабэ, 2016]. Процитирую ключевые выводы, которые нашли развитие в его новой книге, доступной читателю за пределами Японии и, следовательно, подлежащей осмыслению в мировой историографии.

«Экономическое развитие немыслимо без человеческого фактора. Кто внес в него больший вклад — население Тайваня или японские колониальные власти? Это деликатный вопрос, на который нет однозначного ответа. В Корее, например, сейчас идут ожесточенные споры по проблемам колониальной модернизации. В доколониальный период местного капитала для проведения модернизации явно не хватало. В колониальный период приток капитала из Японии сделал модернизацию возможной, но она проходила в условиях жесткого японского правления. Японское правление задало определенные векторы развития обеих стран. Именно приток японского капитала на Тайвань и на Корейский полуостров превратил продукцию местного производства в конкурентоспособный товар и вывел их на мировой рынок, включил в мировую торговлю. [...]»

Полагаю, никто не оспорит общеизвестный факт, что японские колониальные власти на Тайване вложили огромные силы и средства в создание и развитие системы образования. [...] Признаюсь, не знаю другой страны в мировой истории, которая бы так заботилась о постановке образования в своих колониях. Непосредственно после “замирения” Тайваня японские власти разработали план создания там системы школьного образования, от начальной до средней школы второй ступени, и сразу приступили к его реализации. Так создавались квалифицированные интеллектуальные ресурсы — воспитывались люди, которые разработают новые технологии, применят их на месте и тем самым создадут необходимые условия для долговременного и успешного экономического развития. Я считаю, что это получилось. [...] Этика и культура не позволяют даже победителю присваивать себе все, что ему благорассудится. Не соблюдая правила самому, невозможно управлять другими людьми. Стоимость управления, издержки на управление могут быть очень велики. Но правила надо привести в систему, в том числе права конкретной личности. [...]»

В первые годы колониального правления тайваньское генерал-губернаторство во главе с Гото Симпэй (гражданский губернатор / начальник гражданского управления в 1898–1906 гг.— В.М.) приложило огромные усилия не только к тщательному изучению того, что есть, но и анализу того, что необходимо изменить, и к выработке планов, как это сделать. Их работа стала основой всей дальнейшей модернизации Тайваня. Хочу подчеркнуть, что взгляды Гото на развитие в полной мере соответствуют тому, что сейчас называется наукой об экономическом развитии. [...] Программу, которую предложил Гото, можно сформулировать так. Сначала тщательно и непредвзято изучить имеющиеся стартовые условия, затем решить, что именно в них надлежит изменить для проведения модернизации, затем — как конкретно провести эти изменения. Политика Японии по управлению Тайванем основывалась на замысле и разработках Гото и проводилась, так сказать, по его дизайну.

Как экономист я считаю, что реализованная японцами на Тайване политика экономического развития в рамках одной страны была правильной, и постарался показать это. Ее достижения не только заложили основу послевоенного “тайваньского экономического чуда”, но и стали успешной моделью регионального развития в Азии».

«Изучение и учет важнейших ресурсов — демографических и земельных — позволили оценить стартовые условия для дальнейшего освоения острова,— отметил Ватанабэ там

же. — Только опираясь на результаты этих исследований, можно было приступить к выработке конкретных планов развития и создания инфраструктуры. Поэтому первой важной задачей японской администрации на Тайване в начале колониального периода было детальное изучение стартовых условий». Как это делалось на практике применительно к человеческому фактору, а именно к населению острова, показал В. Ц. Головачев, назвав соответствующую главу своего исследования «Этнологи на службе у политиков или этнология как основа «научного» колониального управления» [Головачев, 2018, с. 94–106]. Позднее японские этнологи-тайваневеды стали учитывать и «контекст мирового колониального опыта» [Головачев, 2018, с. 107–114], что также продолжало курс, намеченный Гото.

Книга Ватанабэ представляет собой не узкоакадемическое исследование частных вопросов, но дает обобщающую картину, основанную на японских источниках и адресованную не только специалистам. Для иностранного читателя книга цenna тем, что значительная часть содержащегося в ней материала впервые публикуется на английском языке. Автор посвятил отдельные главы самым ярким примерам материального вклада японцев в модернизацию и развитие Тайваня, сохраняющим значение поныне. Первый — работы Исо Эйкити, «отца сельского хозяйства на Тайване», прежде всего выведение высокоурожайного сорта риса «хорай», позднее сыгравшего заметную роль в экономике азиатских стран и в «зеленой революции» [Watanabe, 2022, р. 1–43]. Второй — строительство плотины Няошаньтоу в провинции Гуансян под руководством инженера Хатта Ёити, в результате чего площадь сельскохозяйственных земель существенно расширились [Watanabe, 2022, р. 69–118]. Достойны внимания наблюдения автора о Тайване как «фронтре», в освоении которого приходилось сочетать амбициозные планы модернизации и стартовые условия в виде «старых обычаев» [Watanabe, 2022, р. 51–55]. Это легло в основу политики, которую Гото вырабатывал и проводил под руководством четвертого генерал-губернатора острова Кодама Гэнтаро.

Кодама Гэнтаро: «воин и государственный деятель»

Шестая глава об «административном стиле Кодама и Гото» заслуживает особого рассмотрения, так как непосредственно затрагивает стратегию и тактику колониальной модернизации. В японской и зарубежной литературе имеется тенденция приписывать основные успехи колонизации Тайваня в начальный период именно Гото как теоретику и практику «научного» управления, заслуг которого не отрицали даже советские авторы [Тодер, 1978, с. 257–258, 265–282], а его начальник-военный как будто остался в тени подчиненного интеллектуала. Ватанабэ показал подлинную роль Кодама, «воина и государственного деятеля с огромной силой и авторитетом» [Watanabe, 2022, р. 54], в модернизации Тайваня.

«Кодама обладал богатым концептуальным даром и умел быстро воплощать свои идеи на практике. Более того, он отбирал лучших людей для проведения своей политики. В современной истории Японии не так много лидеров со столь разнообразными талантами и сильным духом. Если бы Кодама не был назначен генерал-губернатором в начальный период управления, модернизация Тайваня могла закончиться сокрушительным провалом. Кодама, известный как военный стратег, был исключительным государственным деятелем, который в управлении Тайванем в полной мере продемонстрировал авторитет и силу, приобретенные благодаря военной политике» [Watanabe, 2022, р. 121]. Эта оценка Ватанабэ кажется более верной и историчной, чем представления о пусть даже способном генерале, под покровительством — в лучшем смысле слова — которого самостоятельно расцвел административный дар Гото.

«Кодама доверял людям, на которых остановил свой выбор. [...] Одним из его главных достижений был выбор Гото» — «бюрократа с невероятным воображением и способностью к воплощению замыслов» [Watanabe, 2022, p. 65, 121]. Переживший серьезные неприятности по службе, включая пятимесячное пребывание под стражей по ложному обвинению, Гото поначалу не хотел сотрудничать с Кодама даже в профессиональном качестве врача-гигиениста (речь о дезинфекции японской армии, вернувшейся на родину после войны с Китаем в 1895 г.), но затем согласился, поскольку «при полной поддержке Кодама получил возможность проявить свои способности, несмотря на отсутствие собственной политической базы в правительстве» [Watanabe, 2022, p. 123]. Это определило их совместную работу на Тайване. Полное доверие Кодама к своему гражданскому заместителю выразилось и в том, что он оставлял его «на хозяйстве», сохраняя за собой пост генерал-губернатора острова во время участия в правительстве и службы начальником штаба Маньчжурской армии в русско-японскую войну.

Выбор Кодама в пользу Гото позволил tandem преодолеть сопротивление как прямолинейных военных, сторонников жестких мер в отношении местных «бандитов», так и ограниченных бюрократов в генерал-губернаторстве Тайваня, которые не придавали значения «стартовым условиям». Таковых они постепенно заменяли на способных и энергичных людей из метрополии, получивших возможность проявить себя. Хрестоматийный пример — Нитобэ Инадзо, не только автор «Бусидо», но и специалист в области сельского хозяйства, который по приглашению Гото возглавил одну из важнейших отраслей промышленности модернируемого Тайваня — сахарную [Watanabe, 2022, p. 138–141]. «В истории нет другого примера того, как колониальное общество или страна продвинулись в сторону развития в таком большом масштабе за такой короткий период времени» [Watanabe, 2022, p. 54]. Возможно, в данном есть некоторое преувеличение, но масштаб и сроки модернизации Тайваня под руководством Кодама и Гото действительно имеют мало аналогов.

Обладавший способностями не только военного, но и администратора, Кодама согласился с предложениями Гото сочетать политику «кнута и пряника» в отношении замирения местного населения, сопротивлявшегося новым хозяевам, и в опиумной политике, что вызывало недовольство офицеров, предлагавших «рубить сплеча». «Трудно изменить сердца и умы чиновников и тайваньского населения одним лишь посланием от Вашего превосходительства. Точнее, это невозможно», — писал Гото генерал-губернатору в начале их сотрудничества [Watanabe, 2022, p. 125]. Тот внял советам и позже определил свою политику фразой «Мой долг — контролировать Тайвань, а не завоевывать его» [Watanabe, 2022, p. 128]. Ватанабэ также справедливо обратил внимание на то, что Кодама как военный лучше, нежели Гото, понимал тройкое «геостратегическое значение Тайваня» для Японии: для укрепления могущества страны, сопротивления «великим державам» и экспансии в южном направлении [Watanabe, 2022, p. 65].

Гото Симпэй: «УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ БИОЛОГИИ»

«Управление колонией должно быть полностью основано на принципах биологии в соответствии с сегодняшними достижениями науки, — писал Гото в начале 1898 г., еще до назначения гражданским губернатором. — Что является основой биологии? Она заключается в содействии научно организованной жизни и в создании фундамента для производства, индустрии, санитарии, образования, транспорта, охраны порядка, чтобы они могли развиваться конкурентоспособно и реализовывать принцип выживания сильнейшего» [Watanabe, 2022, p. 130]. «В основе биологического принципа Гото лежал социал-дарвинизм», — делает

вывод Ватанабэ [Watanabe, 2022, p. 134], используя «страшное» для современной «политкорректности» слово. Спекулируя на нем, Гото можно объявить расистом, если не предшественником нацизма. Применение принципа историзма в сочетании с элементарным здравым смыслом и уважением к фактам показывает, что это совершенно не так.

«К моменту приезда на Тайвань у Гото уже сложились четкие принципы и представления» [Watanabe, 2022, p. 132–133]. Он исходил прежде всего из собственного профессионального опыта врача и управленаца, доктора медицины Берлинского университета в области санитарии и бывшего начальника Бюро гигиены МВД, что в тогдашней административной системе Японии можно считать аналогом посту министра здравоохранения. В конце 1880-х и в первой половине 1890-х годов именно Гото составил программные документы и базовые учебные пособия по «гигиене» (яп. *эйсай*). В это понятие он вкладывал широкой смысл, включавший профилактическую медицину, государственное здравоохранение и даже общественное благосостояние (он был поклонником социальной политики О. фон Бисмарка, методы и результаты которой изучал во время стажировки в Германии в 1890–1892 гг.). Неудивительно, что эта часть наследия Гото сейчас привлекает к себе большое внимание в Японии — в том числе в связи с проблемой коронавируса [Гото Симпэй 2023, с. 250–261].

Гото перешел на должность гражданского губернатора Тайваня с должности директора Бюро гигиены МВД, которую с 1896 г. сочетал с работой советником генерал-губернаторства по вопросам санитарии и гигиены. То, что Кодама выбрал своей «правой рукой» именно санитарного врача с опытом управленаца, объясняли тяжелой эпидемиологической ситуацией, которую требовалось радикально исправить, прежде чем приступить к какому бы то ни было освоению острова. В этой узкоспециальной сфере Гото был одним из лучших профессионалов тогдашней Японии, однако его знания, компетенции и амбиции выходили далеко за ее пределы. «Гото хотел использовать улучшение ситуации со здравоохранением и гигиеной как символ хорошего управления Тайванем», — справедливо заключает Ватанабэ [Watanabe, 2022, p. 133]. Под «управлением на основе принципов биологии» Гото имел в виду и это.

Другой не менее показательный пример использования им «принципов биологии» относится к пониманию важности «старых обычаяев» как части стартовых условий. «Он объяснял, что биологически невозможно просто пересадить живые организмы, выросшие в одном регионе, в другой регион. Они должны адаптироваться» [Watanabe, 2022, p. 125]. Речь шла не только о сельском хозяйстве, но прежде всего об администрации, праве и образовании. В начале колониального периода ретивые чиновники генерал-губернаторства полагали, что достаточно перенести на Тайвань японские законы, правила и принципы и применять их «как есть», то есть навязать их местному населению и силой добиться исполнения. К моменту назначения Кодама и Гото стало ясно, что такие действия если и дают результаты, то обратные желаемым.

По убеждению гражданского губернатора, «государственная власть не должна осуществляться в одностороннем порядке, игнорируя обычай и институты, передававшиеся из поколения в поколение. Напротив, должно в полной мере принимать и учитывать обычай и институты места, где эта власть осуществляется, и по возможности не вступать с ними в противоречие» [Watanabe, 2022, p. 135]. В статье «Глаза окуня и глаза камбалы» Гото писал:

«Глаза окуня расположены по обе стороны головы, глаза камбалы — только на одной, что довольно нелепо. [...]. Природа позаботилась о том, чтобы у живых существ глаза были с обеих сторон, дабы обеспечить им необходимый обзор. То же самое важно и в политике. Существующие в обществе обычай и его система возникли не просто так, но имеют свои причины и порождены длительной необходимостью. Каковы бы ни были эти причины, насаждение

в неразвитой стране культуры и политической системы цивилизованного государства может вызвать недовольство и отторжение. Этого нельзя допустить. Поэтому, приступив к управлению Тайванем, мы начали с тщательного, научного исследования существовавшей там прежней общественной системы и старых обычаяев, а затем уже проводили политику в отношении местного населения, исходя из этого знания. Сразу ввести на Тайване законодательство метрополии, без каких-либо изменений и адаптации к местным условиям, было бы подобно [одностороннему] взгляду камбалы, а не окуня. Это было бы непониманием того, что есть настоящая политика» (цит. по [Ватанабэ, 2016, с. 15–16]).

«Биологизм» политики, предложенной Гото, выразился не в расовой дискриминации, напротив — в комплексном научном изучении местного населения. Оно началось еще до его прибытия на Тайвань, но именно при нем стало частью деятельности колониальной администрации и пользовалось ее покровительством. Поэтому более корректной — и без «страшного» слова «социал-дарвинизм» — представляется формулировка В. Ц. Головачева: Гото «считал, что курс всей политики, все планы управления нужно строить на основе этнологии» [Головачев, 2018, с. 94].

Конечно, Кодама и Гото были колониальными администраторами. Думая прежде всего об интересах метрополии, они в стратегической перспективе видели Тайвань ее частью, что более соответствует французской, а не британской модели управления колониями. Они хотели доказать, что не-«белая» и не-христианская Япония может успешно вести колониальную политику и «цивилизовать», как тогда выражались, «дикарей» не хуже «белых» христианских держав. Гото говорил об этом прямо. Этой цели, как отметил Ватанабэ, служили и его усилия сделать Тайвань независимым от метрополии в финансовом отношении, что он считал важным не только тактически, но и стратегически [Watanabe, 2022, р. 136].

Необходимо указать еще один принципиально важный момент, которого автор коснулся лишь в заключении, процитировав опубликованный в 1987 г. вывод американского историка М. Питти: «Присутствие и стиль жизни японцев в колониях выглядели по-западному. Однако структура колониальной политики, какой она сложилась в первой половине имперского периода, в большей степени моделировалась не по конкретным европейским образцам, а по исключительно успешному модернизационному рывку, который Япония предприняла в течение трех десятилетий после того, как мэйдзийское руководство сломало феодальный токугавский порядок, по программе реформ, которые в значительной части основывались, конечно, на западном примере. [...] Всё, что Япония делала в своих колониях в первую четверть века, было основано на опыте внутренних реформ периода Мэйдзи» [Watanabe, 2022, р. 136]. В этих внутренних реформах после консервативной революции *Мэйдзи исин* (1868) так или иначе участвовали все «мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань». Их логику можно представить так: получилось в Японии — получится и на Тайване. В том, что в Японии «получилось», сомнений к началу периода колониального правления не было. Модернизация заморской колонии во многом отличалась от модернизации метрополии, но в самой мэйдзийской Японии деревню называли «внутренней колонией». В обоих случаях модернизация была связана с большими жертвами, но в целом шла по одному пути.

«С точки зрения экономического, социального и культурного развития японское управление Тайванем оказалось гораздо более успешным, чем любой колонией западных стран, — подытожил Ватанабэ. — [...] Японское управление Тайванем явно было нацелено не на эксплуатацию и ограбление, как колониальное правление других стран. Оно стало пересадкой японской модели современной цивилизации на Тайвань с учетом местных традиций и обычаяев» [Watanabe,

2022, p. 153–154]. Сформулированный таким образом вывод выглядит апологетическим, особенно во второй фразе, но в целом отражает присущее японской историографии стремление противопоставить колониальную политику Японии колониальной политике западных стран, вплоть до тенденции именовать Тайвань «заморской территорией» (яп. *гайто*), а не «колонией» (яп. *сёкуминти*).

В дискуссиях с японскими историками, включая Ватанабэ, автор этих строк оспаривал тезис «Тайвань под японским управлением не был колонией», указывая, что с точки зрения мировой историографии он таковой, конечно, был. Японское правление на Тайване заслуживает дальнейшего изучения как в рамках сравнительно-исторического исследования колониальной политики, так и применительно к модернизации Японии. Книга Ватанабэ Тосио «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань», доступная благодаря переводу на английский язык широкой читательской аудитории, при спорности отдельных утверждений является полезным вкладом в это изучение. В 2021 г. автор выпустил книгу «Тайвань Гото Симпэй» [Ватанабэ, 2021], японский подзаголовок которой «Человек тоже одно из живых существ» он сам перевел на английский язык как «Улучшение колониальной администрации путем применения биологических принципов» (Improving Colonial Administration Through the Application of Biological Principles) [Watanabe, 2022, p. 161]. Ее тоже хотелось бы увидеть в переводе на английский язык.

Литература / References

Ватанабэ Т. Колониальный Тайвань как модель регионального развития // *Тайвань под японским управлением: новые материалы и исследования*. М., 2016. С. 8–16 [Watanabe T. Colonial Taiwan as a Model of Economic Development // *Taiwan Under Japanese Rule: New Materials and Studies*. Moscow, 2016, pp. 8–16 (in Russian)].

Ватанабэ Т. *Гото Симпэй-но Тайвань. Азинфури мо мата сэйбуцу-но хитоцу нари*. Токио, 2021 [Watanabe T. *Goto Shimpei's Taiwan. Man is also One of Living Beings*. Tokyo, 2021 (in Japanese)].

Головачев В. Ц. *Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии XVII–XXI вв.* М., 2018 [Golovachev V. Ts. *Ethno-Political History of Taiwan in World Historiography XVII–XXI centuries*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Гото Симпэй. *Эйсэй-но мити. (Гото Симпэй. Путь гигиены)*. Токио: Фудзивара сётэн, 2023 [*Goto Shimpei. Eisei-no michi*. Tokyo: Fujiwara shoten, 2023. *Goto Shimpei. The Way of the Hygiene*. Tokyo, 2023 (in Japanese)].

Словарь историка / Сост. Г. Дюфо, Э. Мазурель, Н. Оффенштадт. М., 2011 [*Historian's Dictionary*. (Ed.) G. Dufaud, H. Mazurel, N. Offenstadt. Moscow, 2011 (in Russian)].

Тодер Ф. А. *Тайвань и его история (XIX в.)*. М., 1978 [Toder F. A. *Taiwan and Its History (XIXth century)*. Moscow, 1978 (in Russian)].

Watanabe T. *Asia: Its Growth and Agony*. Boulder CL: East-West Center, 1992.

Watanabe T. *The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan*. Translated by Robert D. Eldridge. Lanham ML: Lexington Books, 2022.